

Дж. – Л. Талмон

ИСТОКИ ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

TALMON J.L. The origine of totalitarian democracy. L.: Mercury Books, 1961 366 p.

Реферат составлен *Б. Н. Новоселовым*

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

*Дж. Талмон - профессор Еврейского университета в Иерусалиме, автор книг «Политический мессианиззм» (1960), «Миф нации и грезы о революции: истоки идеологической поляризации в ХХв.» (1986) и др.

Известны два типа, два течения демократии - либеральная и тоталитарная. Оба течения сосуществуют с XVIII века. Противоречия между ними составляют одну из важнейших проблем нашего времени.

Принципиальное различие между двумя школами демократической мысли по мере их развития состоит отнюдь не в утверждении ценности свободы одной из них и отрицания таковой со стороны другой. Это различие лежит в их различном подходе к политике. «Либеральный подход» исходит из того, что политика является средоточием проб и ошибок, а политические системы есть прагматический продукт человеческой изобретательности и спонтанности. «Тоталитарный подход», напротив, исходит из примата и эксклюзивности истины в политике. Этот подход можно назвать политическим мессианством в том смысле, что он постулирует predetermined, гармоничный и совершенный порядок вещей, к которому неизменно влечет человека и к которому он неизбежно прибудет. В конечном счете «тоталитарный подход» признает лишь одну плоскость существования, а именно, политическую. Причем политические идеи рассматриваются не как набор прагматических установок, применимых к особой отрасли человеческого предприятия, а как составная часть всеохватывающей единой философии. Политика же определяется как искусство приложения этой философии к организации общества; ее конечная цель достижима лишь тогда, когда эта философия безраздельно царствует во всех сферах жизни. Обе школы демократии - либеральная и тоталитарная утверждают высшую ценность свободы. Но если одна из них видит сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения, то другая полагает, что свобода может быть реализована лишь в процессе стремления к абсолютной коллективной цели и в ее достижении.

Как бы то ни было, ясно одно, что конечные цели либеральной демократии не носят, в отличие от тоталитарной, конкретного характера. Эти цели задуманы скорее с позиций негативизма, причем применение силы для их реализации считается злом. Либеральные демократы полагают, что в отсутствие принуждения люди и общество могут в один прекрасный день прийти, через пробы и ошибки, к состоянию идеальной гармонии. Для тоталитарных демократов такое состояние является целью, достигаемой прямыми действиями, и в конечном счете неизбежно

Проблема, с которой сталкивается тоталитарная демократии, может быть названа парадоксом свободы. Совместима ли свобода человека с исключительностью его существования как социального феномена, даже если эта исключительность нацелена на достижение максимума социальной справедливости и безопасности?

Парадокс тоталитарной демократии состоит в том, что она отвечает на этот вопрос положительно. Провозглашаемая ею цель никак не предстает абсолютной идеей, существовавшей вне человека и предшествовавшей, ему. Она рассматривается как имманентная для разума и воли человека, как обеспечивающая наиболее полное удовлетворение его подлинного интереса, являющаяся гарантией его свободы. Именно по этой причине крайние формы народного суверенитета стали наиболее важным сопутствующим элементом этой абсолютной идеи. Все конкретные проблемы и парадоксы тоталитарной демократии объясняются трудностью примирения свободы с идеей абсолютной цели. Эту трудность можно преодолеть лишь при условии, если мы будем мыслить исходя не из того, каков есть человек, а из того, каким он должен и может быть при создании соответствующих условий. При таких условиях должен исчезнуть конфликт между спонтанностью и долгом, а вместе с ним и необходимость в принуждении. На практике проблема состоит, конечно, в том, исчезнет ли принуждение в силу того, что все научатся жить и действовать в гармонии, или же в силу того, что все инакомыслящие будут ликвидированы.

Истоки политического мессианства XVIII века

Выделение двух форм демократии - либеральной и тоталитарной - из демократии как таковой произошло лишь после того, как в ходе мучительной Французской революции прошли проверку практикой повсеместно разделявшиеся концепции.

Вторая половина XVIII в. изменила взгляды людей. Люди пришли к выводу, что условия жизни (как продукт их верований, времени и традиций), в которых жили их предки и живут они сами, являются противоестественными и должны быть заменены на хорошо проработанные единые модели, столь же естественные, сколь и рациональные. Такая модификация во взглядах явилась результатом упадка традиционного статус-кво в Европе: религия потеряла свое интеллектуальное и эмоциональное влияние; иерархический феодализм развалился под воздействием социальных и экономических факторов; прежняя концепция общества, в основе которого лежало гражданское состояние, оказалась замененной идеей абстрактного человека-личности (с.3). Взамен традиции рационалистская идея предложила качество главного критерия общественных институтов и ценностей, социальную полезность. Кроме того, она предложила разновидность социального детерминизма, к которой неизменно влечет людей и которую они так или иначе примут.

Закат религиозной власти означал освобождение человеческой совести, но не только. Религиозную этику предстояло быстро заменить секуляристской общественной моралью. Отвергая церковь, а с ней и трансцендентальную справедливость, государство оставалось единственным источником и хранителем морали.

Закат идеи гражданского состояния как результат подъема индивидуализма означал обреченность привилегии и одновременно потенциал тоталитаризма. Если эмпиризм является союзником свободы, а доктринерский дух - друг тоталитаризма, то идея человека как абстракции, независимой от исторических групп, к которым он принадлежит, должна стать мощным двигателем тоталитаризма.

Современная тоталитарная демократия есть диктатура, основывающаяся на энтузиазме масс и потому совершенно отличная от абсолютной власти божественного монарха или узурпатора-тирана. Поскольку в основе этой диктатуры лежат идеология и энтузиазм масс, она есть результат синтеза между идеей XVIII в. о естестве порядка и идеей Руссо о народном действе и самовыражении. Благодаря этому синтезу рационализм превратился в страстную веру. Двусмысленная концепция «всеобщей воли», рассматриваемая порой как априори действенная, порой как имманентная в воле человека и подразумевающая единодушие, стала движущей силой тоталитарной демократии и источником всех ее противоречий и парадоксов.

Тоталитаризм правых и тоталитаризм левых

Если исходной точкой для тоталитаризма слева был и остается человек, его разум и спасение, то для тоталитаризма справа таковой являются коллективная сущность, государство, нация или раса.

Левый тоталитаризм остается в основном индивидуалистским, атомистским и рационалистским даже тогда, когда он поднимает класс или партию до уровня абсолютных целей.

Правый тоталитаризм оперирует всецело с историческими расовыми и органическими сущностями - концепциями, в целом чуждыми индивидуализму и рационализму. По этой причине тоталитарные идеологии левых всегда склонны принимать характер универсального кредо - тенденция, которая у тоталитаризма правых совершенно отсутствует. Ибо разум есть объединяющая сила, предполагающая, что человечество есть сумма мыслящих индивидуумов. Тоталитаризм правых подразумевает отрицание такого единства, равно как и отрицание универсальности человеческих ценностей. Он представляет собой особую форму прагматизма.

Второе принципиальное различие между двумя видами тоталитаризма следует искать в их расходящихся концепциях человеческой природы. Левые говорят о присущих натуре человека доброте и способности к совершенствованию. Правые утверждают, что человек по природе слаб и испорчен. И те, и другие могут говорить о необходимости принуждения. При этом правые видят в применении силы устойчивый способ поддержания порядка среди бедных и непокорных, а также обучения их действовать в манере, чуждой их посредственной природе. Левые, говоря о необходимости прибегать к силе, считают, что такое возможно лишь для ускорения поступи человечества к совершенству и социальной гармонии. Поэтому вполне закономерно использовать термин «демократия» применительно к тоталитаризму слева. Соответственно он неприменим к тоталитаризму справа.

Светское и религиозное мессианство

Как социологическая сила новая светская религия в лице тоталитарной демократии действовала непрерывно на протяжении свыше ста пятидесяти лет. Следует подчеркнуть оба аспекта этой демократии - ее постоянство и общественную природу. Эти важные черты позволяют нам оставить без внимания отдельные утопические предвидения в более ранние века, хотя трудно отрицать влияние Платона на Т.Мора и Кампанеллы, на людей типа Руссо, Дидро, Мабли, Сен-Жюста и Буонаротти. Если поискать их предшественников, то можно обратиться к различным вспышкам хилиазма в средние века и в годы Реформации. Существование либеральной демократии революционного мессианства в новое время можно справедливо сравнить с отношениями между официальной церковью и эсхатологическим революционным течением в христианстве. Не будучи на поверхности официального общества, христианский революционный поток время от времени вырывался наружу в виде движений евангелической бедности, еретических сект и социально-религиозных мятежей. Подобно двум крупным тенденциям нового времени, церковь и восставшие против нее черпали свои идеи из единого источника.

Между хилиастическими движениями раннего времени и новым политическим мессианством имелись, однако, принципиальные различия.

Первые были лишь спорадическими явлениями, хотя источник напряженности, их порождавший, всегда был скрыт. Пламя быстро вспыхивало, но вскоре оказывалось либо потушенным, либо безвредным для большей части общества. Кризис мог оставлять в качестве своего результата секту. Возникший миф мог даже зажечь искру в отдаленном месте или возродиться в более позднее время. Общество в целом продолжало идти своим путем, хотя после вспышки оставались некоторый страх и чувство ментального дискомфорта.

Религиозная сущность хилиазма, предшествовавшего XVIII в., не позволяла ему играть ту роль, какую в новое время стало играть политическое мессианство. Новое мессианство всегда было нацелено на революцию в обществе в целом. Движущей силой для сект стало Слово Божье, а также надежда на обретение Спасения, для чего требовалось предстать перед одним лишь Всевышним без посредников и без поклонения последним, духовного или мирского. Такой идеал не отличается от иллюзий по поводу общества людей, совершенно свободных и равных и при этом действующих в спонтанном и совершенном согласии. Несмотря на это поверхностное сходство, различия между двумя подходами носят принципиальный характер. Хотя христианские революционеры боролись за право личности на интерпретацию Слова Божьего, сувереном для них был не человек, а Бог. Они стремились к личному спасению и к элитарному обществу, в основе которого лежит Закон природы, ибо последняя дана им Богом, в котором и заключено спасение. При этом они полагали, что повиновение Богу есть условие личной свободы. Исходный пункт нового мессианства для христианских революционеров - разум и воля человека, а цель - счастье на Земле, что достигается трансформацией общества.

Исходный пункт преходящ, но притязания абсолютны.

Сильнейшее влияние на отцов тоталитарной демократии оказала древность, которую они интерпретировали на свой лад. Их миф о древности воплощался в образе свободы, уравненной с добродетелью. Гражданин Спарты или Древнего Рима был горд своей свободой, хотя и удивлял при этом своей аскетичной дисциплиной. Он был равным членом суверенной нации, и в то же время жизнь или интересы вне коллективной ткани для него отсутствовали.

ТОТАЛИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(по взглядам Руссо)

Психологический фон

Руссо часто использует слова «природа», «естественный порядок» в том смысле, в каком его современники использовали их для обозначения логической структуры Вселенной. В то же время термин «природа» используется им для описания стихийного в противопоставлении усилиям и достижениям духовного, направленным на преодоление и подчинение стихийного. Исторически природа до появления организованного общества представляла собой царство стихии. Появление государства-общества означало торжество духа. Для материалистов естественный порядок означал, как известно, готовую машину, которую нужно лишь найти и, привести в действие. Для Руссо, к тому же, такой машиной является Государство при условии, что оно отвечает своему назначению. Таков категорический императив.

ИСТОКИ ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Общая воля и личность

Реферат составлен Б. Н. Новоселовым

Для Руссо представляется жизненно важным идеал свободы. Но одновременно он стремится подчеркнуть роль дисциплины. Если иметь в виду, что Руссо высоко ценил героическое, то становится ясно, что над его мышлением доминировала весьма плодотворная и в то же время весьма опасная двойственность. С одной стороны, личность, как утверждают, подчиняется лишь собственной воле - ее все время побуждают соответствовать какому-то субъективному критерию. С другой - ее все время побуждают соответствовать какому-то объективному критерию. Это противоречие решается с помощью постулата, в силу которого внешний критерий есть его лучшее, высокое и истинное, или, как его называет Руссо, внутренний голос. Следовательно, даже если его вынуждают повиноваться внешнему стандарту, человек не может жаловаться на то, что его принуждают, ибо на самом деле его просто заставляют подчиняться его собственной истинной личности. Таким образом, он все еще свободен и даже более свободен, чем прежде, ибо свобода есть триумф духа над естественным, стихийным инстинктом. Она есть принятие морального обязательства и подчинение иррациональных и эгоистических побуждений рассудку и долгу. Принятие обязательств, заложенных в Общественном договоре, означает рождение личности, человека и его инициативы в мир свободы. Каждое проявление общей воли означает подтверждение свободы человека.

Проблема всеобщей воли может рассматриваться с двух точек зрения - с точки зрения индивидуальной этики и с точки зрения политической законности. Дидро (как и Руссо) рассматривает ее в качестве дилеммы примирения свободы с внешним абсолютным стандартом. Ему представлялось недопустимым, что индивидууму как таковому принадлежит окончательный вердикт в проблемах «виноват - невиноват», «прав - неправ». Воля конкретной личности всегда сомнительна. Единственный судья - общая воля. В суждениях всегда следует адресоваться к всеобщему добру и общей воле. Тот, кто не согласен с общей волей, отрекается от человечности и становится «denature» (неестественным). Общая воля призвана просвещать человека, в какой степени он должен быть человеком, гражданином, субъектом, отцом или ребенком. Общая воля должна устанавливать характер и пределы всех наших обязанностей.

Для Руссо общая воля в конечном итоге является чем-то подобным математической истине или идее Платона. Она существует объективно сама по себе, независимо от того, осознается она или нет. Тем не менее человеческий ум должен открыть ее для себя. В этом смысле всеобщая воля существует одновременно вне нас и внутри нас. Человек не приглашается к выражению своих личных симпатий. Его не просят высказывать одобрение или неодобрение. От него требуется лишь уточнить, согласуется ли данное конкретное предложение с общей волей или нет. Что касается свободы, то она есть способность избавиться от соображений, интересов, симпатий или предрассудков, как личных, так и коллективных, затуманивающих то объективно истинное и доброе, которое, если я верен своей истинной природе, я обязан хотеть.

Что относится к личности, в равной мере относится и к народу. Человек и народ должны подводиться к выбору свободы, и, если это необходимо, их следует принуждать быть свободными.

В конечном счете общая воля становится вопросом просвещения и морали. Несмотря на то, что для достижения гармонии и единодушия требуется общая воля, цель политической жизни фактически состоит в том, чтобы воспитывать и готовить людей, желающих такой воли без какого-либо принуждения. Человеческий эгоизм должен быть искоренен, а природа человека изменена. Индивидуализм должен уступить место коллективизму, эгоизм - добродетели, которая есть соответствие личности общей воле.

Законодатель должен отобрать у человека его ресурсы и наделить его новыми, которые не только были чужды ему, но и которые не могли бы быть использованы им без помощи других людей. Конечная цель, по Руссо, состоит не в обеспечении для личности возможности самовыражения, появления своих дарований и реализации своего собственного, неповторимого образа жизни. Напротив, цель состоит в растворении личности в обществе, для чего требуется создавать людей, способных с послушанием нести ярмо общественного счастья, т.е. создать человека нового типа, некое политическое существо без каких-либо индивидуальных или социальных, или как их назвал Руссо, частных интересов.

Общая воля, суверенитет народа и диктатура

Высшим критерием для Руссо является обращенная во вне всеобщая, или общая, воля, которая в основном обозначает естественный гармоничный порядок. Увязав эту концепцию с принципом народовластия и народного волеизъявления, Руссо породил тоталитарную демократию. Простое видение данного принципа в его сочетании с огненным по накалу стилем Руссо подняло постулат восемнадцатого века на новый уровень - из области интеллектуальной спекуляции в область большого коллективного опыта. Этот факт означал рождение новой светской религии не просто как системы идей, но как страстной веры.

Возник парадокс свободы в условиях тоталитарной демократии. Объективная общая воля существует независимо от того, желают ее или нет. Но чтобы стать реальностью, она должна быть желаемая народом. Если народ ее не желает, его следует заставить желать ее, ибо общая воля скрыта в воле народа.

Руссо решает дилемму с помощью демократических идей и рационалистических предпосылок. Общую волю можно различить только в том случае, если весь народ, а не часть его или его представительный орган, предпримет усилия. Второе условие состоит в том, что следует апеллировать к отдельным лицам как политическим ячейкам, а не к группам, партиям или интересам. Оба условия основываются на посылке, в силу которой имеется общая субстанция гражданства, к которой все имеют отношение, если исходить из того, что каждый в состоянии отказаться от своих личных интересов или групповых обязательств. Как рациональные существа люди сами могут прийти к аналогичным выводам, если они избавятся от собственных страстишек и интересов, затуманивающих их видение мира. Только в том случае, если все действуют вместе как единое целое, возможно активное проявление природы человека как гражданина.

Реализацию суверенитета Руссо не рассматривает как взаимодействие интересов, баланс взглядов или учет различных интересов. Она, по его мнению, означает подтверждение истины, самоидентификацию со стороны тех, кто реализует суверенитет, имея некий общий интерес, являющийся источником всех схожих частных интересов. Политические партии рассматриваются им не как движители потоков различных точек зрения, а как отражение частичных интересов, расходящихся с общим интересом, который рассматривается как почти осязаемый. В отличие от сегодняшних взглядов, в соответствии с которыми существенными признаками демократии являются различия точек зрения и интересов, отцы демократии XVIII в. считали исходными ее постулатами единство и единодушие. Признание прав на иную точку зрения пришло позже, после того как в ходе якобинской диктатуры в принципе однородности четко появились элементы тоталитаризма. Вера в необходимость единства была вполне логична для века, который, провозгласив идею единственного порядка, объявил войну всем привилегиям и неравенству. Ведь сама концепция этого времени, декларирующая приоритет нации перед сословиями, подразумевала однородную общность.

С точки зрения тоталитарной демократии, парламентские институты, разделение и баланс властей, по Руссо, невозможны на пути к социальной гармонии. В столкновениях различных интересов судьями окажутся сами представители этих интересов, а столкновения парализуют государство. Попытки разделить суверенитет несостоятельны, ибо напоминают трюк фокусника, манипулирующего отдельными членами тела. Если есть только одна воля, суверенитет не может быть разделен. Только народ как единое целое, а не его представительный орган, может осуществить суверенную власть. Выборная ассамблея формирует корыстный интерес, как и любая другая корпорация. Передавая суверенитет парламентскому представительному органу, народ покупает себе хозяина. Итак, суверенитет с позиции тоталитарной демократии неделим. Что же касается абсолютного монарха, то на его место Руссо ставит народ.

Тесная связь между суверенитетом народа в его крайней форме и тоталитаризмом - парадокс, требующий анализа. Повсеместно считается, что диктатура поддерживается безразличием народа и отсутствием бдительности у демократических слоев. Руссо более всего настаивает на необходимости активного и непрерывного участия народа и каждого гражданина в делах государства. Государство, говорит он, близко к краху, если гражданин слишком безразличен к общественному собранию.

Общая воля как цель

Общая воля обретает характер цели и как таковая находит отражение в определенной социально-политической идеологии. С точки зрения этой идеологии идея народа, естественно, ограничивается кругом тех лиц, которые отождествляют себя с общей волей и общим интересом. Те же, кто находятся вне этого круга, не могут быть отнесены к нации. Они - чужаки. Такая коцепция нации (или народа) вскоре превратилась в мощный политический аргумент бабувистов. Сийес утверждал, что только третье сословие составляет нацию. Якобинцы еще больше сузили этот круг, отнеся к нации санкюлотов. Для самого Бабефа нацию составляет лишь пролетариат, а для Буонаротти к ней принадлежат только те, кто официально образуют «национальную общность».

Сама идея взятой на себя предопределенной воли, еще не ставшей фактической волей, нации, а также мнение, что нация поэтому все еще находится в младенческом (по номенклатуре Общественного договора) состоянии, - это своего рода незаполненный чек, дающий право действовать от имени народа без упоминания фактической воли народа и оказывающийся в руках тех, кто претендует на знание и отражение этой воли, - этакой авангардской партии. А эти действия могут принять одну из двух форм: акт революции или попытку возвести на трон общую волю.

ДЕМОКРАТИЯ и ДИКТАТУРА

Определение демократии

Только одна воля может быть постулирована - воля, которая должна быть и будет желанна в условиях свободы от эгоизма, невежества, предрассудка, порока и зла. Такую волю можно породить созданием условий, в которых народ мог бы проявить свою волю. К этому сводится суть демократии бабувистов. Последние использовали слово «демократия» и как облагораживающий термин, и как лозунг. Они четко прочувствовали необходимость определения понятия. Буонаротти проводит различие между предреволюционным пониманием и использованием термина «демократия» в ходе Французской революции. До революции он означал форму правления, когда весь народ выполнял функции управления, участвовал в исполнительной власти. Революционная практика показала неприменимость этой системы, и со времен революции государство стало называться демократическим, если каждый гражданин непосредственно участвует в формировании законов. Однако демократы не ограничиваются правом голоса для всех. Они настаивают на принятии таких простых, обеспечивающих равенство законов, которые исключили бы нищету и обеспечивали развитие интеллектуального богатства. Если кратко, то демократия есть «тот общественный порядок, при котором равенство и мораль ставят всех людей в одинаковое положение, позволяющее наиболее эффективно осуществлять законодательную власть» (с. 202).

Если этого нет, то формальная демократия и общедоступный суверенитет становятся фикцией. Различия в масштабах собственности, благодаря которым часть членов общества обладает чрезмерным влиянием, делает равенство голосов иллюзорным. В действительности установление демократии есть процесс возвращения бедным всего того, что было украдено у них богатыми, или, как говорил Бабеф, возвращение старого барахла и мебели. Что касается формальной свободы и формального равенства, рассматриваемых как самая свободная форма правления, то при установившихся порядках они пойдут на пользу только тем, кто может существовать без работы. У бедных же нет времени посещать ассамблеи и получать необходимую информацию. В результате правительство превращает демократический суверенитет в видимость такового, ибо он реализует лишь в интересах состоятельных классов.

ИСТОКИ ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Идеи антипарламентаризма и плебисцита

Несмотря на все ее недостатки, политическая демократия воплощает в себе социальный динамизм. При соответствующей пропаганде и с помощью крайних популярных форм этот динамизм не может не стать действенным. Бабеф хотел бы, чтобы избранная законодательная власть была подчинена самому строгому контролю со стороны электората, а народ имел бы право на вето; т.е. он ведет речь о типично французской демократии. Он выступает за ограничение законодательной власти, полагая, в частности, что невозможна никакая модификация Конституции, если она ущемляет свободу и равенство. Право же решать, ущемляет то или иное предложение свободу и равенство, принадлежит народу или его органам.

Но такая канонизация верховенства прямой демократии ведет к тому, что отвергнутым оказывается не только суверенитет законодательной власти, но и, в конечном счете, суверенитет народа, ибо есть вещи, которые вне возможности народа.

На первый взгляд, каждая ассамблея суверенна и не связана решениями ее предшественников. Каждая ассамблея есть законодательное собрание; народ волен в любой момент изменить ее законы. Но лишь в одном направлении. Ассамблея не может узаконивать то, что не может быть отменено народом; это верно и в отношении ее собственных дисциплинарных и процедурных правил. На все должно иметься согласие народа. Без этого свобода трибуна может, к выгоде фракций, оказаться задушенной. Каждый депутат в любое время может быть отозван своими избирателями. Ежемесячно он должен отчитываться перед ним о проделанной работе.

Что касается реализации суверенитета, то она должна иметь место в условиях максимально возможной гласности. В помещении Ассамблеи должно быть максимально возможное число мест для публики. Ее заседания должны быть открытыми, ибо комитеты - это сосредоточие интриг, где фракции плетут заговоры против народных свобод. Народ должен иметь неотъемлемое право и возможность для выражения своей воли в виде петиций. Для приема, классификации и направления петиций в Ассамблею должно быть создано специальное Бюро по петициям, которое на своих ежедневных заседаниях заслушивает петиции, после чего информирует направившего петицию о том, что она находится в стадии рассмотрения. Петиции непосредственно в Бюро не направляются. Их следует адресовать через местный муниципалитет конкретному депутату на местах, который затем направляет их в Бюро; если он этого не сделает, ему грозит тюремное заключение на срок до 20 лет. Ежедневно публикуются резюме петиций, которые направляются в Ассамблею.

В конечном счете было бы правильно, если законодательное собрание имело бы право только на законодательную инициативу, но не на принятие окончательного решения по ней. Началу обсуждения того или иного законопроекта должно предшествовать уведомление за две недели о намечаемом обсуждении. Что касается дебатов, то они должны включать три этапа с интервалами по 10 дней. Подготовка соответствующего декрета по законопроекту завершается не ранее 44-го дня после начала дебатов. Далее подготовленный законопроект направляется в муниципалитеты для получения по нему санкции народа, высказываемой посредством петиций - в случае несогласия народ накладывает свое вето. По Бабефу, такие процедуры позволяют учитывать самые различные взгляды, интересы и пожелания масс.

Но подобная прямая демократия с элементами плебисцита есть не что иное, как начальная стадия диктатуры или открытая диктатура. Ибо она приглашает находящуюся в оппозиции тоталитарную партию разжигать агитацию, «организовать» недовольство или проявление «воли» народа посредством массовых петиций, манифестаций или давления снизу, равно как и поощряет находящуюся у власти тоталитарную партию устраивать референдумы и готовить резолюции масс с поддержкой в свой адрес. Вряд ли возможен иной вариант. Ибо там, где постулируется полное единодушие, избежать навязывания единой воли невозможно.

Можно ли доверять народу?

Бабеф доверял народу не более, чем он доверял Национальной Ассамблее. По мнению бабувистов, значительное большинство народа не беспокоится ни о чем, кроме того, чтобы его оставили в покое и позволили заниматься своими делами. Тот факт, что в ходе Великой Французской революции массы допустили, чтобы власть и права, которых они добивались, ускользнули от них, равно как и то, что они позволили встать над собой классу меньшинства, - все это представляется серьезным предупреждением и вызовом. Но превыше всего это источник горького разочарования. События показали, что массы готовы повиниться любому, кто способен сохранить мир, и вполне готовы вновь приветствовать монархию. Многие из них с тоской вздыхали по кормушкам «старого доброго времени», будучи готовы закрыть глаза на нарушение принципов, тем более, что эти принципы всегда были для них абстрактностью и просто фикцией.

Идеи просвещенного авангарда

Чтобы иметь возможность ссылаться на волю народа, утверждалось, что, поскольку люди бывают отсталыми и непросвещенными, у них есть внутренние устремления, которые они могут не ведать и быть не в состоянии изложить, если вожди им четко не разъяснят это. Когда однажды резкий толчок пробудит людей от летаргии, они устыдятся, что были бездеятельны так долго. Таким образом, в конечном итоге нет места для конфликта между действиями самоизбранного просвещенного авангарда и принципом народного суверенитета.

Эта концепция также составила основу бабувистской философии революции. Акт революции не был санкционирован народом, но и такая санкция не была совершенно необходимой. Люди, как правило, не спешили признавать, что их права нарушаются, и еще больше не спешили восстать против угнетения; наоборот, они позволяли угнетателям убаюкивать и обманывать себя.

Идея необходимости прибегнуть к мятежу может возникнуть у части народа, даже у одного человека, и на основе этой идеи последует призыв к восстанию. Но как быть в таком случае с неизбежной анархией и беззаконием? Ответ бабувистов содержал на этот счет целый ряд доводов.

Довод первый был более чем оптимистичен: массы не пойдут вслед ни за какой революцией, если побудительный к тому мотив нечист или лежит в области фантазии. Революция происходит только в том случае, если порочные институты довели большую часть полезных членов общества до отчаяния, вынуждая их искать решительных перемен.

Таким образом, санкция народа и вызов революции таилась в самом порядке вещей. Общество в принципе должно было обеспечивать счастье для всех. Поскольку это не реализовалось, поскольку существовали неравенство и угнетение, поскольку человеческие способности и свобода ущемлялись, - право на революцию было перманентным.

Но здесь встает вопрос из области юриспруденции. Если революцию делает весь народ в едином порыве к свободе, в соответствии с «общей волей», то такая революция священна и законна. Однако если восстает лишь часть общества, нарушая мир, свергая законное правительство, тогда это преступление. Как, к примеру, доказать всеобщий характер революции 1789 г.? И как быть с революционными буднями, о которых никак нельзя сказать, что в них был вовлечен весь народ?

Бабеф исходил из того, что противоречия между идеей партии авангардного типа и идеей общей воли нет и что общая воля есть не стихийно выраженная воля отдельных лиц, но нечто желаемое, которое может быть навязано, если это необходимо. Но эту концепцию, Бабеф позаимствовал у Робеспьера. По Робеспьеру, суть революционного законодательства состоит в стремлении восстановить мораль народа, основывающуюся на справедливости и добродетели, для чего надо знать, каким образом «навязать» эти качества людям. В этом суть революционного «обновления». Необходимо привлечь массы, пробудить в них интерес, активность. Но, согласно Бабефу, это отнюдь не означает, что массы будут определять политику, утверждая свою волю. Просто недопустимо, чтобы народ обходился с лидерами как с людьми, лишь наделенными исполнительскими функциями. Лидеры, а не массы, должны задавать тон. Суть революционной демократии как раз и заключается в повиновении и лояльности масс к своим вождям.

Массам, однако, нельзя доверять даже выбор своих вождей, по крайней мере, на раннем этапе революции. Этот выбор должен быть доверен тем, чья приверженность равенству, храбрость и ясновидение делает их в высшей степени пригодными для осуществления этой важной функции. Короче, речь идет о партии-авангарде.

Бабувисты твердо верили в то, что вожди революционной партии не должны изолировать себя от масс. Ничто по их мнению, не могло озадачить и расхолодить людей больше, чем неясное повеление вождей и тайные интриги. Не туманное учение, а пропаганда в полный голос, достигающая каждого, - вот что требуется от вождей. Такая пропаганда сопряжена с определенными неудобствами, но гораздо хуже сумятица и апатия людей, оставленных без руководства и перспективы.

Вместе с тем бабувисты так и не смогли принять решение по важнейшей проблеме своей политики: делать ли ставку на насильственный заговор, совершаемый в строжайшей тайне небольшой группой заговорщиков, или же на движение, имеющее целью просветить и подготовить массы к революционным действиям. Последний путь представлялся слишком долгим и ненадежным.

Бабеф предложил промежуточный вариант. После периода самой интенсивной пропаганды мятежникам предстояло осуществить переворот в одной из наиболее распропагандированной местности и тотчас приступить там к осуществлению намеченных реформ. Такой шаг должен был быть встречен с энтузиазмом местными фанатиками, и этот пример оказал бы электризирующее действие на соседние провинции. Что касается столицы, Парижа, то ему отводилась роль Вандеи плебеев, которым предстояло захватить центр власти.

Позднее Буонаротти разъяснил различие в подходах Бабефа и Оуэна. Оуэн предусматривал создание небольших добровольных социалистических коммун, число которых должно было расти непрерывно вплоть до окончательного триумфа социализма. Бабеф призывал к овладению центральной артерией власти, что, в свою очередь, позволило бы навязать желанный режим всей стране.

ИСТОКИ ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Реферат составлен *В. Н. Новоселовым*

В теории ликвидация старой формы правления должна привести суверенный народ к возникновению его власти. Ибо неограниченный суверенитет народа - цель революции. И все же, если народ не созрел достаточно для совершения революции, можно ли доверять ему в том смысле, что суверенные права будут реализоваться должным образом?

Народ, только что покончивший с угнетением, вряд ли будет способен избрать себе вождей. Невозможно сразу же создать конституционный режим, в основе которого лежат низовые ассамблеи и законодательный орган. В то же время было бы глупостью оставлять нацию без руководства даже на мгновение. В таком случае реализация суверенитета была бы фикцией. Промежуток между восстанием и установлением конституционного порядка имеет особое значение. Ибо в этот промежуток времени готовится специальное обновление, невозможное без действенных, надежных законов.

Для того чтобы они появились, необходимо обезопасить общество от влияния «естественных врагов равенства» и в то же время воссоздать единство воли, необходимое для введения республиканских институтов. Людей необходимо подготовить к такому голосованию, какое требуется. Чтобы процесс подготовки шел легко и безопасно, временные власти должны выполнить двойную функцию: предложить народу простой план реализации его суверенитета и продиктовать, на временной основе, подготовительные меры, необходимые для того, чтобы расположить народ к принятию этого плана. При этом устранение оппозиции, интенсивное воспитание и пропаганда были, по мнению Буонаротти, двумя главными задачами.

Из кого же должна состоять эта революционная власть, обеспечивающая свободу народа, невзирая на коррупцию, уходящую корнями в старые структуры, подводные камни и враждебность внутренних и внешних заговорщиков?

Один из возможных путей решения дилеммы соблюдения законности в условиях революционной практики состоит в провозглашении диктатуры одного лица, действующего от имени и во благо народа, без ограничительных пут какой бы то ни было законодательной власти. Сложность заключается не только и не столько в подборе соответствующей кандидатуры, а в том, что диктатура слишком напоминает о монархии. Всегда существует возможность злоупотребления диктаторской властью.

Но ведь революции приходится учитывать, что в ходе социальной трансформации проигравшие не примирятся с проигрышем. Сила и безжалостность проигравших делает их опасными, так что народу приходится выбирать между насилием и потерей своих прав. Как признавали Буонаротти и Бабеф, это вопрос цели и средств, а точнее, цели, оправдывающей средства. Использование силы - святой, хотя и болезненный долг, проигравший класс должен быть уничтожен.

Ликвидация потерпевшего поражения класса - не единственно оправданный случай применения силы. Ее применение вполне оправдано и для ликвидации идеологической или тактической оппозиции в час кризиса, когда необходимы единство цели и неуклонное ее достижение. В этих постулатах суть бабефовской апологии диктатуры Робеспьера с тезисом «робеспьеризм - это демократия», ибо, по Бабефу, эти два термина абсолютно идентичны. Робеспьер воплощал в себе дело всего народа, он представлял не отдельного тирана и не партию, а народ.

ВЫВОДЫ

Тоталитарная демократия не есть феномен недавнего прошлого, уходящий корнями в традиции одного Запада, хотя как определенная тенденция она сформировалась в лоне идей XVIII в., особенно явно проявив себя в ходе Французской революции. С тех пор непрерывность этой тенденции налицо.

По сути дела, и якобинская диктатура, нацеленная на инаугурацию царства добродетели, и бабувистская схема эгалитарного коммунистического общества, начинавшаяся там, где заканчивалась якобинская концепция, были самыми ранними разновидностями современного политического мессианства.

Они не только породили миф, за которым последовали практические дела, но и дали жизнь живучей, непрерывной традиции. Вскоре тоталитарная демократия эволюционировала в образец принуждения и централизации не потому, что она отвергла ценности либерального индивидуализма восемнадцатого века, но потому, что с самого начала у нее были слишком высокие требования к ним. Человека она ставила в центр всего. Ограничиться одним освобождением человека от различного рода пут было нельзя.

Предстояло убрать все существовавшие традиции и институты, с тем, чтобы гарантировать человеку все его права и свободы, освободив его от любой зависимости. Речь шла о человеке *per se*, лишенном всех атрибутов, не вписывающихся в структуру обычных человеческих качеств. Чтобы получить такого человека, предстояло устранить все отличия и неравенства. В результате очень скоро этическая сторона прав человека приобрела характер эгалитарного социального идеала. Отныне весь акцент делался на устранение неравенств, на низведение привилегированных до уровня обычных людей, на устранение всех промежуточных центров силы лояльности, будь то общественные классы, региональные общины, профессиональные группы или корпорации. Ничто не должно было стоять между человеком и государством. Мощь государства, не ограниченная никакими промежуточными органами, становилась неограниченной.

Такие исключительные отношения между человеком и государством подразумевали конформизм. Причем этот конформизм противостоял как разнообразию, идущему от многообразия социальных групп, так и разнообразию, идущему от человеческой спонтанности и эмпиризма. В якобинстве индивидуализм и коллективизм шагают рядом, надежно уравнивая друг друга. Якобинство - взгляд на общество, равных людей, перевоспитанных государством по эксклюзивному и одновременно универсальному образцу. По крайней мере, экономически каждый человек стоит на собственных ногах.

В отличие от якобинства коммунистический бабувизм увидел суть свободы в том, что всем владеет государство, а также в том, что общественное насилие используется для обеспечения как строго одинакового распределения национального дохода, так и духовного конформизма.

Человек должен быть сувереном. Идея человека *per se* шагала рука об руку с тезисом о том, что должна быть некая общая точка, где желания людей обязательно совпадут. Но единственный способ выявления истинной общей воли людей лежит через выявление голоса каждого из них как индивида и тем самым голосов всех. В то же время невозможно ожидать от всех людей, особенно занимающих привилегированное положение, чтобы их индивидуальности тотчас слились в единый тип человека. Считалось, что неограниченный суверенитет позволит непривилегированному большинству наций свергнуть меньшинство привилегированных посредством голосования и, если потребуется, прямым принуждением. Такая концепция суверенитета народа возникла не столько в силу желания предоставить право голоса и участия в управлении всем, сколько в силу убежденности, что суверенитет народа приведет к полному социальному политическому и экономическому равенству.

Эта концепция рассматривала народное голосование как акт самоотжествления с общей волей. Концепция обретала силу по мере того, как становилось все яснее, что воля большинства не обязательно совпадает с общей волей. Так, внешне ультрадемократический идеал неограниченного народного суверенитета вскоре эволюционировал в образец принуждения. Для того чтобы создать условия для выражения общей воли, было необходимо устранить элементы, искажающие ее выражение, или по меньшей мере свести на нет их действенность. Народ должен быть освобожден от пагубного влияния аристократии, буржуазии, всех корыстных интересов и даже политических партий, с тем чтобы он имел возможность желать того, что ему уготовлено судьбой. Таким образом, именно эта задача взяла верх над формальным актом народного волеизъявления.